

Новый роман для детей и взрослых автора книги
"Мальчик в полосатой пижаме"

Н О Й М О Р С В О Д У Б Е Ж А Л

Джон Бойн Ной Морсвод убежал

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7077142
Ной Морсвод убежал. Роман.: Фантом Пресс; Москва; 2013
ISBN 978-5-86471-668-7*

Аннотация

Ною Морсводу восемь лет, он живет на лесной опушке с мамой и папой. Казалось бы, все у него в порядке, верно? Ан нет. У Ноя Морсвода столько проблем, что он очень старается о них не думать. И потому убегает из дома. Нехоженая тропа ведет его через густой лес – в лавку под вполне волшебным деревом. Она тоже не проста – в ней полно невероятных игрушек и чудес, а еще в ней живет старый мастер. И он рассказывает мальчику захватывающую историю, в которой есть и приключения, и странствия, и дружба, и нарушенные обещания, и самое неотвратимое и необратимое, что может случиться с человеком.

Эта история изменит жизнь Ноя Морсвода навсегда. Вполне возможно – и вашу тоже.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джон Бойн Ной Морсвод убежал

Посвящается Кэти Линч

John Boyne
Noan Barleywater
Runs Away

Illustrater by JIiver Jefers

Copyright © John Boyne 2010 Все права защищены.

Книга издана с любезного разрешения автора при содействии United Agents и Литературного агентства «Синописис»

© Oliver Jeffers, обложка, иллюстрации, 2010

© Максим Немцов, перевод, 2013

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2013

Глава первая

Первая деревня

Ной Морсвод ушел из дома спозаранку, не успело солнце взойти, собаки – проснуться, а роса – просохнуть на полях.

Он слез с кровати и натянул одежду, разложенную накануне вечером. Затаив дыхание, тихонько прокрался вниз. Три ступеньки громко скрипели – доски там слипались как-то неправильно, поэтому на каждую Ной наступал очень мягко, отчаянно стараясь шуметь как можно меньше.

В прихожей он снял с крюка куртку, а ботинки в доме надевать не стал – обулся снаружи. Прошел по дорожке, otvorил калитку, вышел и закрыл ее за собой. Ступал он при этом почти на цыпочках: вдруг родители услышат хруст гравия и спустятся посмотреть, что там такое.

В тот час еще было темно и приходилось изо всех сил вглядываться в изгибы и повороты дороги впереди. Но светлело, и Ной бы наверняка почувствовал опасность, если бы она таилась в тенях. Пройдя первые четверть мили, он обернулся в последний раз – отсюда еще виднелся дом. Ной посмотрел, как из трубы кухонного очага идет дым, и вспомнил родных: спят в своих постелях и ведать не ведают, что он от них уходит навсегда. И Ною невольно стало немножко грустно.

«А правильно ли я поступаю?» – подумал он. Вихрем налетели счастливые воспоминания – пробиваясь сквозь недавние грустные, отгоняя их.

Но выбора у него нет. Он больше не может здесь оставаться. И никто бы его не посмел упрекнуть – пусть только попробуют. Да и вообще, наверное, всем лучше, что он отправился жить самостоятельно. Ему, в конце концов, уже восемь лет, и, если говорить правду, ничего особенного со своей жизнью он пока не сделал.

Вот про мальчика из его класса, Чарли Чарлтона, в местной газете напечатали, когда ему было всего семь лет, – в их деревню приехала Королева, открывать центр ухода за всеми бабушками и дедушками, и Чарли выбрали вручать ей букет цветов и говорить: «Мы ТАК рады, что вы смогли к нам приехать, мэм». Снимок сделали в тот миг, когда Чарли ухмылялся, как Чеширский Кот, вручая ей этот букет, а Королева смотрела на него так, словно пахнет чем-то не тем, а она слишком хорошо воспитана и нипочем не станет об этом говорить. Ной и раньше видел Королеву с таким лицом и никогда не мог сдержаться – обязательно хихикал. Фотографию вырезали и повесили на школьную доску объявлений, а кто-то – *не* Ной – пририсовал Ее Величеству усы и в пузырьке, выходящем у нее изо рта, написал кое-какие грубые слова. Только после этого снимок убрали, а директора мистера Попингема чуть не хватил удар.

В общем, разразился страшный скандал, но портрет Чарли Чарлтона, по крайней мере, напечатали в газете, и весь школьный двор смеялся над ним еще несколько дней. А Ной чего сравнимого в жизни добился? Ничего. Лишь несколько дней назад он попробовал составить список всех своих достижений, и вот что у него получилось:

1. Я прочел 14 книжек от корки до корки.
2. Я выиграл бронзовую медаль на Дне спорта в беге на 500 метров в прошлом году – и получил бы серебряную, если бы Бреф-фни О’Нил не сделал фальстарт и не оторвался.
3. Я знаю столицу Португалии. (Лиссабон.)
4. Для своего возраста я, может, и маленький, зато седьмой самый умный в классе.
5. Я пишу совсем без ошибок.

«Пять достижений за восемь лет жизни, – подумал Ной тогда, покачал головой и посо- сал кончик карандаша, хотя его учительница мисс Умнитч принималась орать, когда так делали, и говорила, что можно отравиться свинцом. – Это по одному достижению на каж- дый...» Он подумал еще и быстро прикинул на клочке бумаги. «По одному достижению на каждый год, семь месяцев и шесть дней. Вообще не впечатляет».

Ной попробовал убедить себя, что уходит из дома именно поэтому: такая причина каза- лась ему гораздо авантюرنее настоящей, о которой думать не хотелось. Во всяком случае – в такую рань.

И вот он один, сам по себе, юный солдат, идет на бой. Ной повернулся, подумал: «Ну, всё! Этот дом я теперь больше никогда не увижу!» – и двинулся дальше. Шел он с видом человека, отлично знающего, что на следующих выборах непременно станет мэром. Выгля- деть уверенным очень важно – Ной это понял очень рано. У взрослых есть жуткая склон- ность – смотреть на детей, путешествующих в одиночку, так, словно дети эти умышляют какое-то преступление. Никому даже мысль в голову не приходит, что молодой человек может сам по себе отправиться в большое приключение, повидать свет. Они же такие узко- лобы, эти взрослые. Среди прочего.

«Я должен всегда смотреть вперед, словно рассчитываю встретить кого-нибудь знако- мого, – твердил себе Ной. – Вести себя, как личность, знающая, куда она идет. Вот тогда меня вряд ли остановят или спросят, что я тут делаю. Если увижу людей, – думал он, – немного прибавлю шаг, точно куда-то ужасно спешу и меня хорошенько отлупят, если не успею туда вовремя».

Довольно скоро он дошел до первой деревни, и, когда она появилась, Ной понял, что немного проголодался, потому что ничего не ел со вчерашнего вечера. Из открытых окон домов вдоль всех улиц пахло яичницей с беконом. Ной облизнулся и стал разглядывать под- оконники. В книжках он читал, что взрослые часто оставляют на них пирожки и пирожные и от их островерхих шляпок из теста идет пар, чтобы такие голодные мальчишки, как он, могли подойти и стащить их. Но в первой деревне, похоже, все были ученые. А может, просто не читали тех книжек.

Но вот вдруг – удача! Перед Ноем возникла яблоня. Мгновением раньше ее там не было – ну, во всяком случае, он ее не замечал, – а теперь вот она, высокая и гордая, ранний утренний ветерок колышет ветви, а на них – блестящие зеленые яблоки. Ной подошел ближе и улыбнулся – приятно делать подобное открытие, потому что яблоки он любит так, что даже мама однажды сказала: если он не будет осторожней, однажды сам превратится в яблоко. (И вот тогда его имя *точно* попадет в газеты.)

«Вот и завтрак!» – подумал он, подбегая. Но не успел: одна ветка, которая клонилась к нему ближе всего, как-то приподнялась и прижалась к стволу, будто знала, что он собирался стянуть у нее сокровище.

– Как необычайно! – сказал Ной и на миг задумался, а потом шагнул к яблоне снова.

Теперь дерево громко хрюкнуло; так же ворчал папа, если читал газету, а Ной мешал ему – звал на улицу играть в футбол. Если бы Ной не знал, что так не бывает, он бы мог поклясться: дерево попятилось куда-то влево, подальше от него, ветви его еще плотнее при- жались к стволу, а яблоки задрожали от страха.

«Но такого не может быть, – подумал Ной, покачав головой. – Деревья не шевелятся. И яблоки *совершенно* точно не умеют дрожать».

Однако дерево *шевелилось*. Шевелилось оно *совершенно* точно. Казалось даже, что оно с ним разговаривает, вот только что говорит? Тихий голос шептал из-под коры: «Нет, нет, пожалуйста, нет, не надо, я тебя умоляю, нет, нет...»

«Ну, хватит глупостей в такую рань», – решил Ной и бросился к дереву, а оно замерло, едва мальчик обхватил его руками и сорвал с веток три яблока – раз, два, три. И тут же отскочил, одно яблоко сунул в левый карман, другое – в правый, а от третьего победоносно откусил большой кусок.

Теперь дерево совсем замерло; больше того – оно, казалось, даже как-то сторбилося.

– Ну я же есть хочу! – громко воскликнул Ной, словно с деревом следовало объясниться. – Что мне было делать?

Яблоня ему не ответила, Ной пожал плечами и отошел. Ему было как-то неловко отходить, но он быстро качнул головой, словно муки совести можно вытряхнуть из ушей и оставить за спиной – пусть себе подсакивают на булыжной мостовой первой деревни.

Но тут его окликнули сзади:

– Эй, ты! – и Ной обернулся. К нему быстро направлялся какой-то дяденька. – Я тебя видел! – крикнул он, тыча воздух узловатым пальцем снова и снова. – Ты что это тут творишь, а?

Ной замер, а потом развернулся и бросился наутек. Нельзя, чтобы его так быстро поймали. Нельзя, чтобы его отправили назад. Поэтому ни минуты не раздумывая он побежал от дяденьки во весь дух, а за ним висел след пыли – и собирался темной тучкой, и все утро осыпался на первую деревню, на ее сады и свежие весенние саженцы, а селяне от него кашляли и отфыркивались часами... То был след разрушений, а Ной даже не подозревал, что это он виноват.

Сбавил ход он вообще-то, лишь когда убедился, что за ним нет погони. И только теперь понял, что на бегу яблоко из его левого кармана выпало.

«Это ничего, – подумал Ной. – У меня еще в правом кармане осталось».

Но нет – и в правом ничего не было, а Ной даже не услышал, как оно стукнулось о дорогу.

«Вот досада! – подумал он. – Но у меня, по крайней мере, есть еще одно в руке...»

Но снова нет – где-то по пути и это яблоко исчезло, а он даже не заметил.

«Как необычайно!» – подумал Ной, идя дальше. Теперь мальчик как-то приуныл – он старался не думать, до чего ему по-прежнему хочется есть. Всего кусок яблока, подумаешь, – едва ли солидный завтрак для восьмилетнего мальчика, особенно если он собирается в большое приключение. Повидать мир.

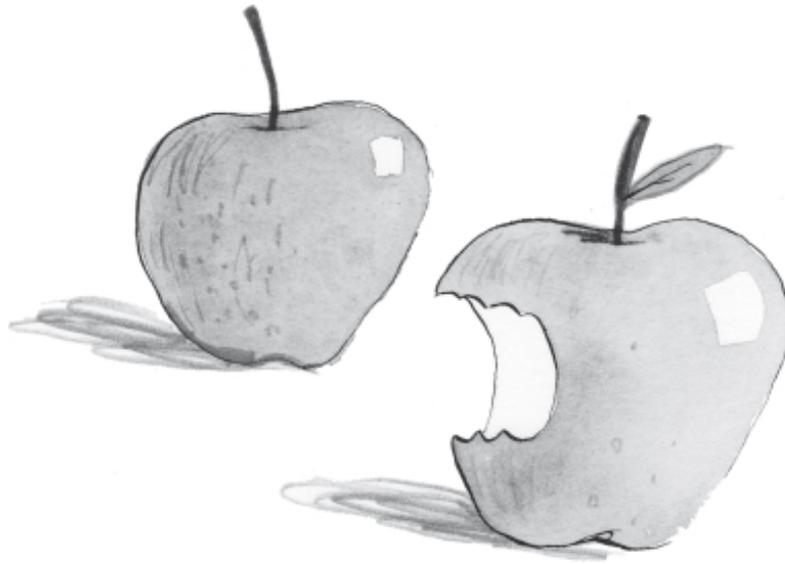

Рис. 1

ДВА ЯБЛОКА

от одного откусили кусок

Глава вторая Вторая деревня

До второй деревни оказалось дальше, чем до первой.

Ной шел, казалось, очень долго, а потом вдаль увидел большой дом с яркой оранжевой крышей. Он сразу вспомнил, как несколько недель назад мама устроила ему сюрприз – взяла с собой в поездку, и они остановились выпить чаю и съесть по ломтю торта с заварным кремом в небольшом кафе. Черепица на крыше там была такого же поразительного цвета. К огромной радости Ноя, в углу кафе стоял бильярдный автомат, и на нем он набрал четыре с половиной миллиона очков с первой же попытки – сразу побил все рекорды, а машина пришла в исступление, вся рассветелась и раззвонилась.

«Вот еще одно достижение», – подумал Ной, вспомнив, как он тогда был счастлив от своей победы и как им гордилась мама. Сама она тоже попробовала, но больше трехсот тысяч очков набрать так и не смогла.

– Нет, вы видели? – спросила она у дядьки за стойкой. Тот протирал грязной тряпкой стаканы. – Мой сын только что набрал четыре с половиной миллиона очков на бильярде.

– И? – ответил дядька так, словно это кому угодно по плечу.

– То есть – «и»? – Мама даже хмыкнула и удивленно посмотрела вокруг. – Может, он когда-нибудь станет чемпионом мира, и вы тогда будете хвастаться, что начинал он в вашем кафе.

– По-моему, чемпионатов мира по бильярдным автоматам не бывает, – ответил дядька. Выглядел он при этом так, будто уже очень давно не улыбался, да и нечему тут улыбаться. – Это не настоящий спорт.

– Пешая ходьба на двадцать километров – тоже, – сказала мама Ноя. – А за нее медали дают на Олимпийских играх.

Ной тогда хихикнул – ему нравилось, если мама воодушевлялась от того, что он сделал, но удивительно, что вот это конкретно для нее настолько важно. (Вообще-то в тот день ей было важно почти все. «Нельзя терять ни минуты, – сказала она Ною, когда они вышли из кафе, и оглянулась, чему бы еще порадоваться. – Что бы нам еще такого придумать?»))

Во второй деревне было суматошнее, чем в первой: солнце уже встало, и все взрослые шли на работу, а лица у них были такие, словно хозяева лучше еще часок полежали бы в постелях и на улицу не выходили вообще. Почти все спешили мимо, зажав под мышками портфели, с зонтиками в руках – они всегда боялись худшего, – но один-другой человек подозрительно глянул на Ноя, прекрасно понимая, что мальчику здесь не место. К счастью, час еще был ранний и никто им особо не заинтересовался.

Ной оглядел всю улицу: может, и здесь есть кафе? Тогда он взялся бы еще раз сыграть у них на бильярде, а если наберет много очков и у всех выиграет, может, хозяин приготовит ему завтрак и поздравит с таким великолепным достижением. Самому ему, конечно, завтрак был не по карману: он решил перед уходом не красть никаких денег у папы из бумажника и не занимать никакой мелочи у мамы из кошелька. Ной знал: с деньгами ему, возможно, будет легче искать приключения, только не хотелось, чтобы родители запомнили его как воришку.

Ной озирался, но ничего похожего на места с бесплатными завтраками не видел нигде. И вдруг он как-то весь устал – все-таки проснулся очень рано, а прошел уже много. Даже не подумав, что со стороны это может выглядеть неприлично, он привольно раскинул руки, роскошно потянулся и широко зевнул. Глаза его закрылись, ладони сами сжались в кулаки, и Ной – совершенно нечаянно – ткнул в глаз очень низенького господина, случайно проходившего мимо.

– Ай! – воскликнул очень низенький господин. Остановился и стал тереть рукой лицо, а сам весьма сердито смотрел на своего обидчика.

– Мамочки! – быстро произнес Ной. – Извините меня, пожалуйста, сэр. Я вас не заметил.

– Ты не только на меня с кулаками бросился, ты еще меня и оскорбляешь? – Лицо господина покраснело от негодования. – Может, я и невелик ростом, но я отнюдь не, знаешь ли, невидимка!

На вид человек был до крайности необычайным – ростом даже ниже Ноя, который и сам невысок для своих лет, как все говорили, хоть и утешали, что когда-нибудь это пройдет. На голове господин, похоже, носил черный парик, но тот упал на землю от сотрясения, и человек, нагнувшись, поднял его, а надел задом наперед. И теперь выглядел так, точно уходит от Ноя, а не стоит к нему лицом. Перед собой господин толкал тачку, в которой размещался крупный серый кот. Тот на миг приоткрыл глаза, посмотрел на Ноя так, словно подобных мальчишек кругом завались, поэтому не стоит и внимания обращать, и после этого снова быстро заснул.

– Я нечаянно! – сказал Ной, опешив от такой злости. – Я не хотел – ни тыкать вас, ни оскорблять.

– А добился меж тем и того и другого. Мало того, теперь ты меня еще и задерживаешь. Который час, кстати? – Ной посмотрел на часы у себя на руке, но ответить не успел – человек оглушительно взвыл: – О, только не столько! – Прозвучало очень яростно. – О, мои звезды, нам было назначено у ветеринара, а он никогда не принимает опоздавших. Выставляет их прямо на улицу. А если это случится с нами, мой кот умрет непременно. И все из-за тебя, чудовищный маленький мальчик. – Голос его собрался тучей и громыхнул тремя последними словами, а лицо стало цвета перезревшей репы.

– Я же извинился, – сказал Ной. Он немного удивился: если этот человек опаздывает к ветеринару, он-то здесь при чем? Он же задержал его всего на миг. А если кот умрет... ну что ж, коты умирают, что тут поделать. У него самого кошка несколько месяцев назад умерла, ее похоронили, очень погрустили, а потом стали жить дальше. Мама даже сочинила песню и сыграла ее на гитаре, пока зарывали могилу. У нее такое хорошо получается, подумал Ной и сам себе улыбнулся. Не надо, чтобы грустное портило день.

– Ты вообще кто? – спросил человек, подавшись вперед, и тщательно обнюхал Ноя так, словно мальчик был плошкой со взбитыми сливками, забытой на буфете, – не испортились ли? – Я же тебя не знаю, правда? Ты что тут делаешь? Нам в деревне чужие, знаешь ли, не нравятся. Уходи, откуда пришел, а? И оставь нас тут в покое!

– Меня зовут Ной Морсвод, – сказал Ной, – и я просто шел мимо, потому что...

– Неинтересно! – рявкнул человек, крепче взялся за рукоятки тачки и поспешил дальше, не переставая громко возмущаться.

«Люди тут какие-то не очень дружелюбные, – подумал Ной, провожая его взглядом. – А я-то думал, что здесь можно будет начать новую жизнь».

Но от этой встречи остался кислый привкус во рту. Идя по деревне дальше, Ной окончательно убедился: все местные не спускают с него глаз и готовы смести его с лица земли и упечь в тюрьму. И вдруг он увидел другого человека – на сей раз обычного роста. Человек сидел на скамье, читал газету и сокрушенно качал головой, словно нескончаемое положение дел в мире очень его разочаровывает.

– Небеса обетованные! – вдруг вскричал он, смял край газетного листа в кулаке и недоверчиво воззрился на ту статью, которую читал. – Ох ты ж божьи вожди!

Ной уставился на него и чуть сбавил шаг, а потом подошел и уселся рядом на скамейку. Что же могло его так изумить?

– Это возмутительно, – произнес человек, качая головой. – Совершенно возмутительно.

– Что именно? – спросил Ной.

– Здесь говорится, что в... – и человек назвал первую деревню, через которую утром проходил Ной, – с дерева украли яблоки. «Яблоня, – процитировал человек, – выдвигалась на свою обычную утреннюю позицию, когда взявшийся бог весть откуда юный негодяй бросился на нее, украл три яблока и вынудил четвертое броситься с ветки наземь и ушибиться. Как яблоня, так и яблоки доставлены в больницу. Причиненные повреждения оцениваются. По прогнозам медиков, следующие сутки могут оказаться решающими».

Ной нахмурился. Хотя новость причудливо напоминала его утреннее приключение, случилось оно всего пару часов назад. Маловероятно, чтобы об этом успели написать в газете. И потом – это вообще новость разве? Папа говорил, что в нынешних подметных листках вообще ничего не пишут – сплошь бессмысленные сплетни про кучку людей, на которых всем наплевать.

– Это сегодняшняя газета? – подозрительно спросил Ной.

– Ну конечно, – ответил человек. – Вечерний выпуск, правда, но мне номер достался пораньше.

– Но сейчас же еще утро, – заметил Ной.

– Я ж говорю – пораньше, – раздраженно ответил человек и посмотрел на мальчика. А потом надел очки и опять быстро снял их. – Небеса обетованные! – ахнул он и осекся от страха.

Ной воззрился на него, не очень понимая, чего тот так испугался, но тут его взгляд упал на рисунок под новостью о яблочном воришке. Мальчик восьми лет, не по возрасту низкорослый, но вполне патлатый. Кусает яблоко. «Как это может быть?» – подумал Ной. Вокруг же никого не было, никто его не видел. Под рисунком жирным шрифтом было напечатано:

Продолжение статьи читайте на стр. 4, 5, 6, 7, 14, 23 и 40. Имейте в виду: этот мальчик – угроза обществу. Приближаться к нему нужно очень осторожно – или не приближаться вообще.

«Меня еще и не так обзывали», – подумал Ной. А его сосед по скамейке и слышать ни о чем больше не хотел – он вдруг закричал что было сил:

– Это он! – Вот что он закричал. – Задержите его кто-нибудь! Это вор!

Ной вмиг спрыгнул со скамейки и заозирался – его вот-вот задержат. Но этим, к счастью, никто не обеспокоился.

– Держите его! – кричал человек, удирая со всех ног. – Держите! А то сбежит!

«Ну вот тебе и вторая деревня», – подумал Ной. Он и сам помчался прочь – и бежал так, пока деревня не превратилась просто в кучку домов, а та не растаяла вдали у него за спиной. Потом она совсем пропала, и Ной уже не помнил, из-за чего там был весь шум.

Глава третья

Любезная такса и голодный осел

После второй деревни все несколько перепуталось. Тропинка стала какой-то невнятной, а деревья перед мальчиком сначала смыкались, а потом расступились. Сквозь их кроны просочился наконец свет, и Ной сумел хоть немного разглядеть, куда идет. Но затем все опять потускнело, и пришлось щуриться, чтобы понимать, не сбился ли он с пути.

Ной посмотрел себе под ноги и удивился: извилистая тропка, оказывается, совсем исчезла, а он убрел куда-то в сторону от намеченного в самом начале пути, и теперь лес сильно отличался от того, что он видел раньше. Деревья здесь были зеленее, а воздух пах как-то слаще, трава была гуще и больше пружинила под ногами. До Ноя доносилось журчание ручья невдалеке, но когда он удивленно пошарил по зарослям взглядом – отлично зная, что в этом лесу нет никаких водных источников, – тот вдруг смолк, словно не хотел, чтобы его обнаружили.

Ной остановился и с минутку постоял, то и дело поглядывая назад, на вторую деревню. Только на таком расстоянии ничего было все равно не разглядеть. Один древесный частокол сменялся другим – деревья так столпились, что за ними невозможно ничего увидеть. Но где-то среди них, Ной точно знал, лежит та тропа, по которой он утром ушел из дома. Он лишь раз с нее сбился – когда нужно было забежать за дерево, до того ему не терпелось. Ной хорошенько все вспомнил: закончив свои дела, он повернулся, чтобы идти дальше, – и забыл, с какой стороны забегал за дерево, слева или справа. Поэтому пришлось просто пойти в ту сторону, которая ему показалась правильной.

«Интересно, не ошибся ли я?» – подумал Ной. Но делать нечего – только идти дальше. Через пару минут он с облегчением увидел, что деревья редеют, и в отдалении перед ним проступила третья деревня. Гораздо меньше двух первых – лишь несколько домиков странных очертаний, в беспорядке разбросанных вдоль одной-единственной улочки. Не вполне это Ной рассчитывал обнаружить, но есть надежда, что жители окажутся дружелюбными и он наконец отыщет себе что-нибудь поесть, пока не упадет в обморок от голода.

Но не успел Ной и шага сделать, как заметил в конце улочки, на другой ее стороне, совсем уж причудливый домик.

Про дома Ной знал, что их следует строить с ровными стенами, которые стоят под прямыми углами друг к другу. Сверху у них должна удобно располагаться крыша, чтобы внутри от дождя не промокли ковры, а птицы не делали свои дела вам на голову.

Этот же домик на обычный был совсем не похож.

Ной рассматривал его и с удивлением подмечал: все до единой стены и окна в нем были до крайности кривые, тут выступали какие-то детали, там – какие-то секции, и во всей конструкции не было совершенно никакого смысла. И хотя сверху домик бесспорно покрывала крыша – примерно там, где и нужно, – сделана она была отнюдь не из шифера или черепицы. И даже не соломенная, как в доме у его приятеля Чарли Чарлтона. Вообще-то она была вся деревянная. Ной поморгал и снова посмотрел, склонив голову набок: вдруг домик будет выглядеть нормальнее, если его рассматривать как-нибудь криво.

Но сколь ни была любопытной эта постройка, она не шла ни в какое сравнение с громаднейшим деревом, росшим возле. Оно заслоняло вывеску на домике. За ветвями Ной мог разобрать лишь несколько букв: А и В рядом – в первом слове, букву К – в конце второго и парочку Н и И в третьем. Ной щурился и пытался пробить своим рентгеновским взглядом ветки, пока не вспомнил, что рентгеновского взгляда у него нет. Такой был у одного маль-

чика из его книжек. Но вывеску прочесть все равно очень хотелось, а отвести глаз от дерева он не мог. Оно его совершенно заорожило – Ной, правда, не очень понимал чем.

Да, высокое, – но не выше других деревьев, что ему доводилось в жизни видеть. (Он же, в конце концов, сам жил на лесной опушке.) Все они растут не одну сотню лет, как ему рассказывали, что ж удивительного, если дорастают до таких размеров. Деревья на самом деле – полная противоположность людям: эти чем старше, тем вроде бы меньше. У деревьев же все наоборот.

И да, кора у этого дерева была здорового бурого оттенка – скорее как плитка твердого вкусного шоколада, чем как обычная кора. Но все равно это кора хорошего здорового дерева. Не из-за чего тут голову терять.

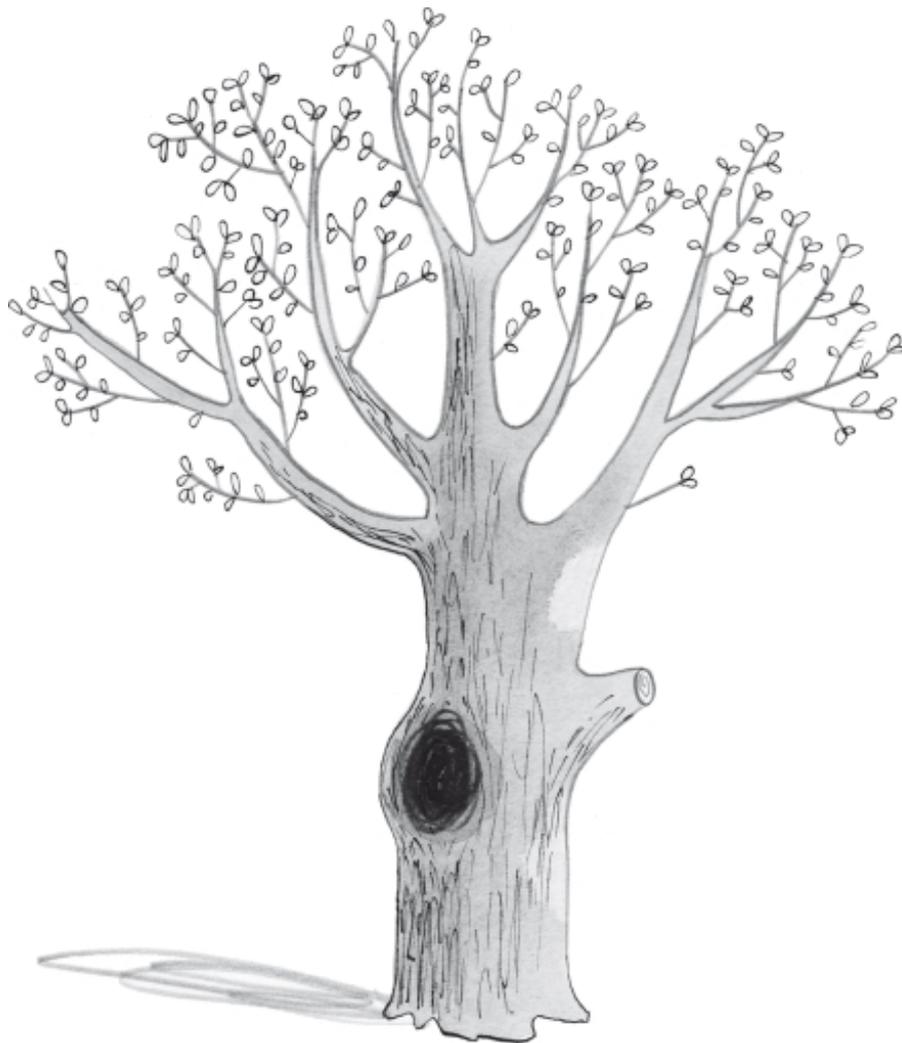

Рис. 2

Странное ДЕРЕВО

И еще было ясно, что листья на его крепких ветках глянцевиито-зеленые – но, опять же, не зеленее каких-нибудь других листьев, трепетавших под летним ветерком на деревьях всего мира. Никакой разницы с листочками на тех деревьях, что росли под окном его спальни.

Но в дереве все равно было что-то необычайное, и точно сказать, что именно, мальчик не мог. Чем-то оно гипнотизировало. Отчего-то глаза Ноя лезли на лоб, а рот сам собой открывался, словно на минуту-другую Ной забывал, что ему полагается дышать.

– Истории, я полагаю, ты слышал? – раздался голос справа. Ной повернулся и увидел пожилую таксу, трусившую к нему. Пес неуверенно улыбался, а за ним шел кряжистый осел, который осматривал землю вокруг, как будто что-то потерял. – Я всегда знаю, когда приходят на нее посмотреть. Ты не первый, юноша. И будешь не последний. ГАВ! – Договорив, такс оглушительно гавкнул и отвел взгляд. Брови его надменно встали домиком, точно у человека, который в лифте вдруг грубо нашумел.

– Мне об этом ничего не известно, сэр, – ответил Ной, качая головой. – Никаких историй я не слышал. Понимаете, сам я не отсюда. Я просто шел мимо, только и всего, и тут заметил это дерево перед забавным домиком. Мне стало любопытно.

– Ты уже почти целый час тут стоишь и не уходишь, – хохотнул такс. – Сам не заметил?

– А ты нигде здесь не видел бутерброд? – спросил у мальчика осел и пристально на него посмотрел. – До меня доходили слухи, что здесь кто-то бутерброд потерял. В нем содержалось некоторое мясо. И еще чатни, – добавил он.

– Боюсь, не видел, – ответил Ной – и сам пожалел, что не видел.

– Меня тянет на бутерброд, – сказал осел очень устало и грустно покачал головой. – Может, если еще поищу...

– Не обращай на него внимания, – сказал такс. – Он всегда голодный. Сколько его ни корми, ему все мало.

– И ты бы проголодался, если б не ел дольше двадцати минут, – всхлипнул осел, будто его обидели.

– В общем, это правда, – продолжал такс. – Ты тут уже стоял, когда я бежал на прогулку, а теперь вот я с нее вернулся – а я каждый день бегаю по полям до самого колодца, я от этого гибче, понимаешь, – а ты по-прежнему здесь. И глаз не сводишь.

– Серьезно? – спросил Ной, весь наморщившись от изумления. – Вы уверены? Мне казалось, я только что пришел.

– Меня это не удивляет, – сказал пес. – Стоит людям взглянуть на это дерево, как они тут же забывают о времени. Это правда самое интересное у нас в деревне. Помимо статуи, конечно.

– Какой статуи? – спросил Ной.

– То есть ты ее не заметил? Она же прямо за тобой.

Ной обернулся – и, разумеется, у него за спиной стояла высокая гранитная статуя: неистовый на вид молодой человек в спортивных трусах и майке. Руки он триумфально воздел, а под ногами у него в камень были врезаны слова: ДМИТРИЙ КАПАЛЬДИ: БЫСТРЕЕ. Ноя статуя застала прямо-таки врасплох – он был уверен, что минуту назад ее здесь не было.

– Быть может, что-нибудь с сахаром? – спросил осел, сделав шаг вперед, и вдруг ткнулся носом в карман Ною – так внезапно, что мальчик удивленно отпрыгнул.

– Оставь ребенка в покое, Осел, – сказал такс. – Нет у него ничего сахарного. Ведь правда? – быстро добавил он и прищурился, глядя на Ноя.

– Совсем ничего, сэр, – ответил мальчик. – Я и сам, кстати, довольно голоден.

– Весьма обидно, – заметил осел и покачал головой так, будто сейчас заплачет. – Какое разочарование.

– Ты знаешь, – продолжал такс, немного подавшись вперед и понизив голос, – есть такие – и я числил бы среди них себя, – кто считает, что дерево гораздо интереснее статуи. Поэтому люди на него так подолгу и смотрят. Сам я стараюсь на него вообще не смотреть, если этого можно избежать. Однажды из-за него я не поздравил друга с днем рождения. Два года подряд.

– И тебе не достался отличный торт, – медленно произнес осел и позволил себе улыбнуться этому воспоминанию, а его большие карие глаза наполнились слезами. – Оба раза у него на верхушке была глазурь. В виде розочек. Один год – зеленая, а на следующий – оранжевая. Ночей не сплю – все думаю, какая будет в этом году. Может, красная, как считаешь? Вполне может быть, по-моему. А то и синяя... Ну или желтая, само собой, – добавил он, продолжительно помолчав.

– Да, Осел, да, – сказал пес. – На свете есть много, много разных цветов. Мы уже поняли. Давай не будем испытывать терпение нашего нового друга.

– А пирожные ты случайно нигде не прячешь? – спросил осел.

– Что в этом дереве вообще особенного? – поинтересовался Ной, никак не отозвавшись на вопрос голодного осла. Он опять повернулся к дереву. – То есть на свете же миллионы миллионов деревьев.

– О нет, – ответил такс, качая головой. – Нет, это распространенное заблуждение. На самом деле дерево всего лишь одно. У них всех, понимаешь, общий корень – он лежит в самом центре мира, и все деревья из него растут. Поэтому, говоря строго, дерево – только одно.

Ной на миг задумался об этом, а потом и сам покачал головой.

– Это неправда, – сказал он и усмехнулся от нелепости замечания такса. Тот же в ответ разразился целой канонадой громкого и долгого лая – у пса текли слюни, он скалил зубы, и приступ утих лишь через несколько минут. Осел меж тем просто смотрел в сторону и вздыхал, изучал траву у себя под носом – вдруг в ней что-нибудь послужит ему снедью.

– Приношу свои извинения, – произнес пес, наконец снова овладев собой. Вид у него был немного смущенный. – Такова моя природа, только и всего. Не люблю, если мне противоречат.

– Все в порядке, – ответил Ной. – Да и дерево все равно, судя по всему, особенное. Откуда бы ни росло.

– Оно такое. И я вполне допускаю, что у нас в деревне оно единственное, под которое я не... – Такс слегка покраснел и огляделся, не подслушивают ли. – Хотя некоторые вещи собаку поощряют делать на *улице* — к примеру, то, что мальчиков учат делать *дома*.

– Очень хорошо понимаю, – хмыкнул в ответ Ной, но не выдал, что всего лишь нынче утром он это сделал на улице. – Так вы никогда...

– Ни разу. За все пятьдесят шесть лет.

– Вам пятьдесят шесть? – спросил мальчик, открыв рот от восторга. – Ничего себе, так мы ровесники.

– Правда? По мне, так ты никак не старше восьми.

– Так это потому, что мне и *есть* восемь, – ответил Ной. – А в собачьих годах... мне было бы пятьдесят шесть.

Пес громко фыркнул, и улыбка сошла у него с морды.

– Я бы счел это заявление до крайности невежливым, – произнес он через некоторое время. – Зачем тебе вообще понадобилось так говорить? Я же с тобой по-доброму, верно? Я не говорил ничего оскорбительного про твой рост. Или *нехватку* оного, – многозначительно добавил он.

Ной уставился на него, тут же пожалев, что вообще открывал рот.

– Простите меня, – сказал он, удивившись, насколько близко к сердцу такс принял его слова. – Я не хотел вас обидеть.

– ГАВ! – гавкнул пес и тут же очень широко улыбнулся. – Ладно, забыли. И мы опять большие друзья. Но беседовали мы о дереве... Так вот, самое интересное – это, конечно, совсем не оно.

– А лавка, которая за ним стоит, – вмешался осел.

Ной глянул дальше дерева и еще раз попробовал рассмотреть бесформенный домик, почти весь прятанный за ветвями: те будто намеренно растопырились в разные стороны за прошедшие минуты, чтобы защитить постройку от любопытных глаз.

– А что в ней интересного? – спросил Ной. – По-моему, довольно обшарпанная лавочка. Хотя мне кажется, строители и с самого начала не сильно-то постарались. Как-то тяп-ляп ее строили. Удивительно, как ее еще ветром не сдувает.

– Но это лишь потому, что ты на нее неправильно смотришь, – сказал такс. – Посмотри еще разок.

Ной вперился в домик через дорожку и засопел носом, надеясь увидеть то, что видели его знакомые.

– Лавка эта стоит здесь дольше, чем я живу, – сообщил пес. В голосе его зазвучало глубочайшее почтение к тому, на что он смотрел. – Пожилой господин, который там жил, – он уже, конечно, умер, но при жизни, много лет назад, посадил у порога это дерево, чтобы вокруг стало повеселее, понимаешь. А сама лавка – она гораздо старше.

– Он был твоим другом? Хозяин лавки то есть.

– Он был самым большим моим другом, – ответил такс. – Всегда кидал мне косточку, когда я мимо пробежал, а я такой доброты не забываю никогда.

– А у тебя при себе она случайно не осталась? – спросил осел.

– Боюсь, что нет, – ответил пес. – Это было не один десяток лет назад.

– Косточками можно хорошо питаться, – убежденно произнес осел, не спуская глаз с Ноя. Он почти оживился. – Да, очень и очень неплохо питаться можно ими.

– Сын старика, разумеется, тоже мне друг, – продолжал такс. – И тоже превосходный парень. Он жил здесь в детстве, а потом исчез из всех наших жизней очень надолго. Но в конце концов вернулся и до сих пор здесь живет. ГАВ! Но мне мой папа рассказывал, как старик сажал семечко, как оно потом стало прутиком, а прутик затем превратился в ствол, дал ветки, ветки пустили листья, и не успел никто в совете даже проголосовать, как посреди деревни оказалось это громаднейшее дерево.

– Похоже, оно тут не первый век растет, – сказал Ной.

– Правда, похоже? – подтвердил такс. – Хотя на самом деле не такое уж и старое.

– Но все равно в этой истории почти нет ничего необычного, – сказал Ной. – В смысле – это же просто природа. Я природу в школе проходил, и нет ничего странного в том, как хорошо оно выросло. Может быть, почва тут просто очень богатая. А может, семена были быстрорастущие. Или кто-нибудь раз в неделю поливал их «Чудо-Ростом». У меня мама так делает, а однажды увидела, как я себе им голову поливал, чтобы самому расти быстрее, так заставила полностью раздеться и окатила из садового шланга за домом на огороде, где меня мог увидеть кто угодно. Хотя тогда я был намного моложе, – добавил Ной, – и еще мало что понимал.

– Какая чарующая история, – произнес осел и при этом фыркнул так, что стало понятно: ему это совсем неинтересно.

– А кто вообще сказал, что в этой истории должно быть что-то необычное? – осведомился пес, опять явно обиженный.

– Так вы же и сказали, – ответил Ной. – Сами говорили, что в нем – что-то особенное.

– А-а, но ты еще не слышал лучшего. – И такс от возбуждения забегал вокруг Ноя кругами. – И это – самое любопытное. Каждые несколько дней у дерева происходит что-то очень странное. Когда деревня засыпает, оно выглядит вот как сейчас. А наутро, когда мы просыпаемся, оказывается, что ночью кто-то с него срубил ветки. А на земле ничего не лежит. А через пару дней они все опять отрастают! Поразительно же. То есть такое вот обычно происходит в... – Тут он назвал вторую деревню, через которую утром проходил Ной, и даже содрогнулся, словно от самого названия этого жуткого места у него во рту остался кислый привкус. – Но у нас таким вообще не занимаются.

– Как необычайно! – сказал мальчик.

– Правда же? ГАВ!

– И лавка. Она очень примечательная.

– Ну само собой. ГАВ! Это лавка игрушек.

Глаза у мальчика распахнулись.

– Это лавка игрушек? – ахнул он. – Три моих любимых слова.

– А моих – нет, – ответил такс. – Правда, «это» я люблю, но вот «лавка игрушек» никогда особо не привлекали. Лично мне всегда нравилось слово «неунывающий». Способность переживать трудности и не поддаваться им. По-моему, тебе имеет смысл об этом подумать, юноша.

– А мне нравится «свежий сытный сочник», – сказал осел. – Три отличных слова.

– У меня нету, – ответил Ной тут же, не успели ему задать вопрос, и осел удивленно вытаращился на него. Ною на миг показалось, что он собирается съесть его самого.

– Я так понимаю, тебе уже не интересно меня слушать, – через минуту обиженно произнес такс и потуже затянул зубами шарфик у себя на шее: поднялся ветер и похолодало. – А если так, не смеем тебя больше задерживать. Мы пойдем. Приятного дня, сударь.

– Да, приятного, – вздохнул осел и отвернулся.

Ной тоже с ними попрощался, но не так сердечно, как мог бы, учитывая, насколько с ним был любезен пес (и, в меньшей степени, – голодный осел). Буквально через секунду он уже переходил дорогу. Остановился под деревом и протянул руку к стволу, но не успели пальцы Ноя коснуться коры, ему показалось, что дерево на него зарычало, и руку мальчик в испуге отдернул. То не был нежный шепот яблони из первой деревни. Теперь на него рычали зло – так тигрица защищает своих тигрят.

На миг – очень короткий – Ной вспомнил о родителях. Как они, должно быть, волнуется, обнаружив, что он убежал из дома, – ведь наверняка уже поняли. Ничего они, конечно, не поймут. Решат, что он эгоист. Но остаться дома... и наблюдать... Ноя передернуло: нельзя об этом думать.

Он отвернулся от дерева, попробовал совсем прогнать из головы папу и маму – и полностью сосредоточиться на лавке игрушек.

На ее двери.

На дверной ручке.

И, вообще-то даже не собираясь этого делать, Ной протянул руку, взялся за ручку, повернул, открыл дверь – и, не успев толком ничего сообразить, оказался в лавке, а дверь плотно закрылась у него за спиной.

Глава четвертая Марионетки

Поначалу Ной не собирался заходить в лавку игрушек. Ему просто хотелось заглянуть в окно, посмотреть, что там выставлено. Денег у него все равно не было, но ведь не повредит глянуть на то, что он не может себе позволить. А кроме того, не помешало бы проверить, не толкнутся ли внутри покупатели, – вдруг поймут, что ему тут не место, и вызовут сельскую полицию.

Но его как будто всосало в лавку помимо воли, словно собой он вообще не распоряжался. Случилось все, конечно, совершенно неожиданно, но теперь Ной думал: раз уж он тут оказался, лучше всего хорошенько оглядеться, посмотреть, что же тут за лавка такая.

Первым делом он заметил, до чего тут тихо. Причем это не такая тишина, которую слышишь, проснувшись среди ночи, если тебе снится нехороший сон. Когда с Ноем такое бывало, в его комнату сквозь щели – там, где окна плохо закрыли, – вечно просачивались странные непонятные звуки. В такие моменты он точно знал: снаружи есть какая-то жизнь, хоть сейчас вся она и крепко спит. То было отнюдь не безмолвное безмолвие.

А тут, в лавке, все было совсем иначе. Здесь тишина выглядела не просто тихой – она была полным отсутствием звука.

Ной в жизни побывал во многих лавках игрушек. Когда они всей семьей отправлялись за покупками, он подчеркнuto вел себя примерно – знал, что если будет послушным, ему перед возвращением домой разрешат зайти в такую лавку. А если будет *совсем* паинькой, есть даже возможность, что родители купят ему какое-нибудь особое угощение – хоть он его съест не дома, а на улице, а у них нет денег на роскошь. Поэтому пускай мама заставляет его примерять все школьные брюки, что есть в магазине, а потом все же выбирает самую первую пару, снятую с вешалки семь часов назад. Он все равно будет радостно улыбаться, как будто для восьмилетнего мальчика покупать одежду – самое увлекательное занятие, и ему вовсе не хочется орать во весь голос, чтобы стены торгового центра рухнули, а всех и всё – покупателей, продавцов, кассы, вешалки, рубашки, галстуки, брюки и носки – унесло в дальние уголки Солнечной системы, и мы бы о них больше не услышали.

В этой же лавке все было совсем не так, как в прежних. Ной огляделся, стараясь понять, чем же она отличается, и поначалу ему это не удалось.

А потом он сообразил.

Эта лавка игрушек отличалась от всех прочих тем, что здесь нигде не было видно ничего пластмассового. Вообще все игрушки в ней были деревянные.

По полкам тянулись поезда, длинные, из угла в угол, но и вагоны, и рельсы были из дерева.

В новые страны и к новым приключениям по прилавкам маршировали армии – тоже все деревянные.

Дома и деревья, лодки и грузовики – всевозможные игрушки, о которых такой заинтересованный ум, как у Ноя, мог только мечтать, – все здесь было сделано из твердого темного дерева, которое вроде бы само густо светилось и... Да, откуда-то издалека оно даже как-то гудело.

Вообще-то все здесь совсем не походило на игрушки. Казалось, это что-то гораздо важнее. Все, что Ной видел, было очень новым и каким-то другим. Вполне возможно, подумал он, что это единственная лавка на свете, где могут продаваться такие игрушки.

Почти все в ней было тщательно раскрашено – и не просто какими-нибудь обычными красками, как игрушки у него дома, с которых краска слезала, даже если на игрушку про-

сто долго смотреть. Таких красок, как здесь, Ной нигде раньше не видел; он и назвать-то их толком бы не сумел. Слева от него, к примеру, стояли деревянные часы, и покрашены они были... ну, не совсем в зеленый цвет, а в такой, каким зеленый бы мог стать, если б у него было воображение. А с другой стороны возле деревянного стаканчика для карандашей лежала деревянная игровая доска, и главным цветом в ней был не красный; на такой цвет красный смотрел бы с завистью и краснел бы от смущения за собственную тусклость. А деревянные азбуки... ну, кое-кто сказал бы, что они раскрашены желтым и синим, но сказали бы они это, прекрасно зная, что эти простые слова – несносное оскорбление тех цветов, которыми светились буквы.

Но сколь любопытным бы все это ни было, каким бы удивительным и необычным ни представало глазам Ноя, все это не шло ни в какое сравнение с теми игрушками, которые в огромных количествах увешивали все стены лавки.

С марионетками.

Их здесь были десятки. Нет, не десятки, больше. И не просто больше, а сотни, – в общем, может, за день и не сосчитать, даже на разноцветных деревянных счетах, лежавших на прилавке рядом. Марионетки были разных форм и размеров, разного роста и ширины, непохожих расцветок и силуэтов, но все до единой сделаны из дерева и раскрашены так ярко, что в них чувствовались жизнь и энергия. Все они казались очень живыми.

«Они совсем не похожи на кукол, – подумал Ной. – Слишком настоящие».

Рядами они висели на стенах лавки – на проволоках, прикрепленных к спицам, чтобы не упали. И были там не только люди – Ной видел и животных, и машины, и всякие неожиданные штуки. Но все – на проволоках, за которые можно было двигать их разными частями.

– Как необычайно! – пробормотал Ной себе под нос. Озираясь, он поймал себя на странном ощущении. Ему показалось, что все марионетки следят за ним взглядами, куда бы он ни пошел, как бы ни шевельнулся, – вдруг он что-нибудь потрогает и сломает. Или попытается сбежать с чужой игрушкой в заднем кармане.

Ровно такое случилось несколько месяцев назад, когда мама взяла его с собой на свою очередную неожиданную вылазку из дома. Она звала его с такой настойчивостью – говорила, что им больше времени нужно проводить вместе, что Ноя это как-то сбивало с толку. В тот раз, когда они шли вместе по магазину, в его карман неким таинственным манером забралась колода волшебных карт, и как ей это удалось, можно только гадать, потому что сам Ной карты эти совершенно точно не крал. Он вообще не помнил их на витрине. Но когда они выходили из магазина, их остановил довольно крупный, довольно неповоротливый и довольный потный дядька в голубом мундире и очень серьезно попросил их, пожалуйста, пройти с ним.

– Зачем? – спросила мама Ноя. – В чем дело?

– Мадам, – ответил охранник, употребив слово, от которого Ной засомневался, не переехали ли они вдруг жить во Францию, – у меня есть основания полагать, что ваш малыш выходит из магазина с предметом, за который не уплачено.

Ной поднял голову и посмотрел на дядьку со смесью негодования и презрения. Негодования – потому что он кто угодно – очень много кто, – но не воришка. А презрения – из-за того что больше всего на свете его раздражало, когда взрослые называют его малышом, в особенности если он стоит тут же, у них под носом.

– Это нелепица, – сказала мама, решительно покачав головой. – Мой сын такого ни за что не сделает.

– Мадам, тогда будьте добры сами проверить, что у него в заднем кармане, – сказал охранник. Ну и само собой, как только Ной сунул в этот карман руку, туда как-то забралась колода волшебных карт.

Я их точно не крал, – упорствовал Ной, удивленно разглядывая их. Портрет на пачке – Туз Пик – ехидно ему подмигнул.

– Тогда, быть может, ты объяснишь, что они у тебя делают? – вздохнул охранник.

– Если у вас есть вопросы, можете задать их мне, – отрезала мама Ноя, сердито глядя на охранника. Ее голос звенел от негодования. – Мой сын ни за что не станет красть колоду карт. У нас таких дома десятки. Я учу его мухлевать в покере, чтобы он еще до восемнадцати лет заработал себе состояние.

Охранник вытаращился на нее. Он привык к тому, что родители в такие моменты обрушиваются на детей, трясут их, пока зубы не застучат, чтобы добиться правды. Мама Ноя же совсем не походила на женщину, которая станет так поступать. Она выглядела мамой, которая, задав сыну вопрос, скорее поверит ребенку. А такое увидишь не каждый день.

– Ты же не крал эти карты, – спросила она, повернувшись к мальчику, и вопрос этот задала так, что он прозвучал утверждением.

– Нет, конечно, – ответил Ной, и это было правдой, потому что он их не крал.

– Ну тогда, – сказала мама, снова обращаясь к охраннику и пожимая плечами, – тут не о чем больше и говорить. Пока нам будет довольно извинения, но я считаю, вы должны сделать благотворительный взнос организации по моему выбору – как компенсацию за ваши облыжные обвинения. Скажем, на охрану каких-нибудь животных. Маленьких и пушистых, их я люблю больше.

– Боюсь, все не так просто, мадам, – стоял на своем охранник. – Факт остается фактом: карты оказались в кармане у вашего сына. И *кто-то* их туда наверняка положил.

– Ах да, – ответила ему мама, взяла у Ноя карты и отдала с улыбкой охраннику. – Но это же *волшебные* карты, нет? Вероятно, они туда сами запрыгнули.

Еще одно счастливое воспоминание. О таких вот Ной и старался не думать. Но тот магазин был совсем не похож на лавку, в которой он стоял сейчас. Во-первых, здесь не было никаких охранников. Никто бы не обвинил его в том, чего он не делал. Ной закусил губу и нервно огляделся: может, лучше выйти и двигаться к следующей деревне? Но не успел и шевельнуться, как его отвлек стук. Стук этот приближался.

Стук шагов.

Тяжелых и медленных.

Ной затаил дыхание и хорошенько прислушался – даже сощурился, как будто так можно лучше расслышать. Шаги на миг вроде прекратились. Ной облегченно перевел дух, но обернуться не успел – они зазвучали снова, и мальчик замер на месте, пытаясь определить, откуда же они доносятся.

«Снизу!» – подумал он и посмотрел под ноги.

И само собой – кто-то поднимался вверх из подпола: тяжелые сапоги грохотали вверх по лестнице, с каждым шагом – все ближе и ближе. Ной обвел взглядом лавку – не один же он их слышит – и тут понял, что один: в магазине игрушек больше никого не было, а он этого сначала даже не понял.

Кроме, ну, марионеток.

– Эй? – боязливо прошептал Ной, и эхо немного полетало вокруг. – Эй, тут есть кто-нибудь?

Шаги замерли, снова зазвучали, помедлили, опять замерли – и зазвучали еще громче и ближе.

– Эй? – опять спросил Ной – уже громче. Все нервы у него натянулись сильнее. Он сглотнул. Непонятно, почему он чувствует эту странную смесь – одновременно страха и какой-то надежности. Когда он заблудился на всю ночь в лесу, ему было совсем не так. Родителям тогда пришлось идти его спасать, пока не съели волки. Вот *это* было страшно. Или в тот день, когда он не смог выбраться из погребка, а там не было света. Защелка упала, и дверь

не открывалась. *Тогда* была просто досада. А тут – что-то совсем другое. Ной чувствовал, что здесь он и должен быть, только ему лучше подготовиться к тому, что произойдет дальше.

Мальчик повернулся и посмотрел на выход из лавки. Вот только – и это всем сюрпризам сюрприз – двери на месте больше не было. Наверное, он просто зашел так глубоко, что ее уже не видно. Хотя он не помнил, что как-то слишком уж далеко заходил, да и сама лавка поначалу казалась не очень велика. Во всяком случае, не настолько, чтобы в ней потеряться. Более того, если обернуться, из лавки вообще никакого выхода не видно, не горят никакие стрелочки. За спиной у Ноя – лишь сотни деревянных марионеток, и каждая нахально смотрит на него, улыбается, смеется, хмурится, грозит. На лицах у них всевозможные чувства, какие только можно себе представить, и добрые, и злые. Все выражения. Ной вдруг почувствовал: все эти куклы никакие ему не друзья, они подступают к нему все ближе, окружают его, стягивают вокруг него кольцо.

«Кто он вообще такой?» – перешептываются они.

«Чужак».

«Чужаков мы не любим».

«Да и нелепый он какой-то, нет?»

«Не по годам коротышка».

«Может, в рост еще просто не пошел».

«Но шевелюра ничего так».

Голосов становилось все больше, хотя ни один не звучал громче шепота, и вскоре Ной уже не мог разобрать никаких слов – все говорили одновременно, и слова сливались в язык, которого мальчик не понимал. И теперь марионетки смыкались вокруг него. От страха Ной выставил перед собой руки, зажмурился, повернулся на месте и досчитал до трех, думая, что такого быть никак не может, а когда он опустит руки и откроет глаза, лучше будет завопить во всю глотку, тогда уж точно кто-нибудь прибежит и спасет его.

Раз,

Два,

Три...

– Здравствуй, – тут же произнес мужской голос. В лавке прозвучал только он, потому что хор марионеток немедленно стих. – И кто же ты такой?

Глава пятая

Старик

Ной открыл глаза. Марионетки больше не окружали его так, будто сейчас погребут под своими деревянными телами. Бормотание стихло. Шепотки растворились в воздухе. Все, казалось, вернулись на свои места на полках, и Ной понял, до чего нелепо было даже думать, будто они за ним наблюдают или говорят о нем. Они же, вообще-то, не настоящие – это всего-навсего марионетки. А *настоящий* тут – это пожилой человек, заговоривший с ним. Он теперь стоял в нескольких шагах и слегка улыбался, словно ждал этого визита очень долго и доволен, что он наконец состоялся. В руках у старика было небольшое полено, и он потихоньку ковырял его стамеской. Ной от волнения быстро сглотнул слюну, а от внезапности невольно вскрикнул.

– Ох, батюшки, – произнес старик, переводя взгляд на мальчика. – Ну вот такого точно не нужно.

– Но тут же только что никого не было, – ответил Ной, изумленно озираясь. Входной двери по-прежнему нигде не было видно, поэтому откуда возник старик – загадка. – И я не слышал, как вы зашли.

– Я не хотел тебя пугать, – ответил старик – действительно очень старый старик, даже старше Ноева дедушки. Шапка желтых волос у него походила на овсянку, в которую всыпали кукурузы. А глаза были очень яркие, и Ной поймал себя на том, что пристально в них смотрит. Но вот кожа на лице до того морщинистая, что Ной раньше такой и не видел, пожалуй. – Я работал внизу, только и всего. А потом услышал шаги. Поэтому решил, что лучше бы мне подняться, посмотреть, не помочь ли чем покупателю.

– Шаги и я слышал, – сказал Ной. – Только я был уверен, что они ваши, когда вы поднимались по лестнице.

– Батюшки, да нет же, – ответил старик, качая головой. – Я бы вряд ли услышал собственные шаги и пошел узнавать, в чем дело, правда? Должно быть, шаги были *твоими*.

– Но вы же были внизу. Сами так сказали.

– Правда? – переспросил старик и нахмурился, а подбородок в задумчивости почесал. – Не помню. Все это так давно было, верно? Боюсь, память у меня уже не та, что раньше. Вероятно, я услышал дверной колокольчик.

– Но на двери же нет колокольчика, – сказал Ной. И тут же, едва он это произнес, над дверью, словно вспомнив о службе, раздалось бодрое «дзынь». Да и сама дверь возникла в нескольких шагах за спиной мальчика.

– Он тоже старый, – пояснил старик, смущенно пожав плечами. – Если б ему не только этим весь день приходилось заниматься, еще ничего, но иногда он просто забывает. Может, он вообще не по тебе звонил, а по тому, кто заходил сюда в прошлом году.

Ной повернулся, разинув рот, и удивленно воззрился на колокольчик, а потом вновь глянул на старика и громко сглотнул. Он не знал, что тут можно сказать и как относиться ко всему этому.

– В общем, прости, что заставил тебя так долго ждать, – произнес старик, – но, боюсь, я нынче передвигаюсь как улитка. В молодости все было совсем не так. Только пятки сверкали. Дмитрию Капальди было за мной не угнаться!

– Это ничего, – пожал плечами Ной. – Я тут совсем недолго простоял. Когда вошел, еще одиннадцати не было, а... Ой! – Он глянул на часы, и те сообщили ему, что уже почти полдень. – Но такого не может быть!

– Я уверен, что может, – сказал старик. – Ты просто потерял счет времени, только и всего.

– Целый час?

– Бывает. Я однажды так потерял целый год, поверишь ли. Куда-то засунул, а когда пошел искать потом – нигде не нашел. Но всегда такое чувство, что он однажды где-нибудь возникнет, когда его меньше всего ждешь.

Ной нахмурился: верно ли он все расслышал?

– Как же можно целый год потерять? – спросил он.

– О, гораздо легче, чем кажется, – сказал старик и отложил полено, которое держал в левой руке, и стамеску, которую держал в правой. Потом снял очки и протер стекла радужным носовым платком. – Хотя, может, то был совсем не год, – может, то был рот. – Он слегка пощипал себя за губы. – Нет, вроде на месте, – с удовлетворением заключил он. – Явно то был год. Не стоит волноваться.

Ной рассматривал старика во все глаза и пытался понять, о чем он толкует. Смысла в его речах он никакого не улавливал, но подозревал, что если задавать вопросы, все может запутаться еще сильнее.

– Должно быть, это всё игрушки, – сказал мальчик и обвел рукой стены. – Наверное, я их слишком долго рассматривал. И все эти марионетки. Их здесь столько, что они меня отвлекли.

– Все верно, – вздохнул старик. – Во всем они виноваты! Все люди так считают.

– Ну я же их не *обвиняю*, – не согласился Ной. – Я просто хотел сказать, что увлекся, их разглядывая, только и всего. Они совсем как живые. И время само собой убежало.

– Самое главное – что ты сейчас здесь, – произнес старик, и по его лицу расплылась широкая улыбка. – Понимаешь, ко мне так давно не заходили покупатели, что я даже не знаю толком, что мне с ними делать. Боюсь, у нас теперь даже нет штатного зазывалы.

– Все в порядке, – ответил Ной, которому всегда было очень жаль людей, которым приходилось стоять у магазинов и целыми днями и твердить: «Добро пожаловать... Заходите... Заходите...» Как-то обидно тратить на это время.

– Конечно, если б я поднялся быстрее, я бы пригласил тебя на обед, но теперь уже поздно.

Лицо у Ноя вытянулось. В животе у него уже громко урчало – пришлось даже кашлянуть, чтобы заглушить такие неприличные звуки. А потом он передумал кашлять дальше: вдруг старик услышит урчание и *сам* передумает. И все-таки его накормит.

– В общем, раз ты сейчас здесь, – продолжал старик, – я уверен, этому должна быть некая причина. Ты хотел что-то купить?

– Наверное, нет, – ответил Ной, глядя в пол. Ему было немного стыдно. – Боюсь, у меня совсем нет денег.

У ног мальчика сидела деревянная мышка, раскрашенная в серый и розовый, и обнюхивала носы его ботинок. Но едва она перехватила взгляд Ноя, как подпрыгнула, негромко пискнула и побежала прятаться между ног деревянного жирафа, стоявшего в углу.

– Тогда могу ли я поинтересоваться, что привело тебя сюда? Тебе разве не надо быть в школе?

– Нет, я в школу больше не хожу, – ответил Ной.

– Но ты же еще мальчик, – сказал старик. – А мальчикам полагается ходить в школу. Или они поменяли законы с тех пор, как я сам туда ходил? Не мне, конечно, судить. Сам я в школе особо не задерживался – сбегал с уроков постоянно. Не рассказать, сколько неприятностей у меня из-за этого было.

– Каких неприятностей? – спросил Ной. Ему стало ужасно интересно – он любил слушать о чужих неприятностях.

– О, я никогда не вспоминаю прошлое на голодный желудок, – ответил старик. – Я ведь даже еще не обедал.

– Но вы сказали...

– Как бы то ни было, расскажи-ка мне, что привело тебя сюда.

– Ну, сначала – дерево, – ответил мальчик. – У вашей двери. Я стоял через дорогу и просто смотрел на него – по-моему, это самое внушительное дерево, которое я в жизни видел. Даже не знаю почему. Просто у меня было такое чувство, вот и все.

– Мне приятно, что оно тебе понравилось, – сказал старик. – Знаешь, его посадил мой отец, когда мы сюда только переехали. Он очень любил деревья. Он посадил тут еще несколько, но, по-моему, это из них лучшее. Люди рассказывают про него крайне удивительные вещи.

– Да, мне кажется, я одну историю слышал, – воодушевленно поддержал его Ной.

– Правда? – Старик воздел бровь. – А могу я поинтересоваться, от кого?

– Ко мне там подошла очень любезная такса, – ответил Ной. – И еще очень голодный осел. Пес сказал, что иногда по ночам дерево совершенно обнажается, а потом через день-два отращивает новые ветки. Он говорил, что никто не знает, как и почему это происходит.

– О, этот еще и не такого расскажет, – рассмеялся старик. – Это мой старый друг. Но я бы не стал придавать значения тому, что он говорит. Таксы придумывают самые невероятные истории. А осел... ох, я лучше промолчу. Людям обычно хватает двенадцать-пятнадцать раз в день поесть, а ему нужно раза в три-четыре больше, иначе он ноет.

– Двенадцать – пятнадцать раз в день есть? – удивленно переспросил Ной. – Могу вам честно сказать, я никогда не...

– В общем, обо всех, кто рассказывает какие-то байки про эту лавку, – перебил его старик, – могу сказать одно: они в нее ни разу в жизни и носа не совали.

– Правда? – спросил мальчик.

– Ну, по крайней мере, до сих пор, – улыбнулся старик. – Ты – первый. Возможно, тебя сюда прислали не просто так. Отец мой, конечно, умер много лет назад, поэтому ему не довелось увидеть, каким высоким и крепким выросло дерево.

Лицо его омрачилось при этих словах, и он отвел взгляд, словно расстроившись от неприятного воспоминания.

Рис. ~~2~~ 3

ТОПОР В
ДРЕВЕСНОМ ПНЕ

– Мой папа – лесоруб, – тут же сказал Ной. – Он зарабатывает на жизнь тем, что рубит деревья.

– Ох, батюшки, – ответил старик. – Они ему, значит, не нравятся?

– Мне кажется, очень нравятся, – сказал мальчик, – но людям же нужно дерево, правда? Иначе ни домов не будет, где можно жить, ни стульев, на которых сидеть, ни... ни... – Он попробовал придумать что-нибудь еще деревянное, огляделся и тут же очень широко улыбнулся. – Ни марионеток! – воскликнул он. – Тогда не будет никаких игрушек.

– Истинная правда, – медленно кивнул старик.

– А взамен каждого срубленного дерева он сажает десять, – добавил Ной. – Поэтому он все-таки хорошо поступает.

– Тогда, быть может, когда ты состаришься так же, как я, – сможешь гулять среди этих деревьев и вспоминать своего папу так же, как я вспоминаю своего.

Ной кивнул и немного нахмурился. Ему не нравилось о таком думать.

– Но я еще не представился, – сказал старик чуть погодя, протянул мальчику руку и назвал себя по имени.

– Ной Морсвод, – ответил Ной.

– Очень приятно познакомиться с тобой, Ной Морсвод, – слегка улыбнулся старик.

Мальчик хотел было ответить ему тем же и открыл рот – но снова закрыл: вокруг жужжала деревянная муха, дожидаясь возможности залететь внутрь. Ной помолчал – так долго, что, казалось, уже слышно, как у него растут волосы на голове, – но потом, не сводя глаз со старика, пошарил в уме – и обнаружил вопрос, затаившийся где-то над левым ухом.

– А что вы делаете? – спросил он, глядя на полено.

Старик взял его вновь и принялся долбить, пока они разговаривали. К его ногам падали древесные стружки, а на полу их сметали и куда-то уносили деревянные веник и совок. Они двигались очень изящно, как пара балльных танцоров.

– Похоже на какого-то кролика, нет? – Старик приподнял полено – и точно, оно походило на кролика. С очень длинными ушами и отличными деревянными усиками. – Собираюсь сделать я совсем не его, но вот поди ж ты, – вздохнул он. – Каждый раз у меня так. Придумываю что-нибудь, начинаю – а выходит что-то совсем другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.